

АННУШКА НЕСМЪЯННУШКА.

У одного купца была дочь Аннушка *несмъяннушка*; и собралъ онъ (отецъ) всѣхъ купцевъ и господъ и всѣхъ, всю чернь собралъ къ себѣ въ домъ: «кто мою дочь *разсмѣетъ*, за того за мужъ отдамъ.» Что народу разсмѣивали ее со всякими музыками, гармоніями и не могли ее разсмѣять. Вотъ отецъ пошелъ на дворъ вонъ изъ комнаты; за нимъ собака скочила, бросилась по горницѣ. Она (Аннушка—несмъяннушка) и засмѣялась, говорить: «смотрите, папенька; собака-то, говорить, по комнатѣ прыгаетъ!» Принуждено дочь за собаку за мужъ отдавать. Ну, что дѣлать, отдалъ за мужъ. Свадьба была какая отличная! . . .

Вотъ повели ихъ спать класть; онъ (женихъ) взялъ свою шкуру съ себя снялъ, да за столбышекъ положилъ; да и ушли спать. Вотъ легли они спать; а тутъ ея тестъ на конное окно ножей натыкалъ, самъ взялъ печку затопилъ да его шкурку-то и сжегъ. Онъ (женихъ) лежитъ да и говоритъ: «ахъ, говорить, другъ мой Аннушка! что это, говорить паленымъ пахнетъ?»—Все это тоскуетъ. Тутъ пошли ихъ подымать; подняли ихъ; она идетъ въ дверь, а онъ въ окно прыгнулъ, *анды* всю себѣ грудь и распоролъ на ножи-то. А самъ взялъ да ушелъ: «ну, прощай, другъ мой Аннушка! ищи меня черезъ три года.»

Три года прошло; Аннушка пошла его искать, своего мужа. А онъ то былъ собакой, то обратился человѣкомъ. Вотъ она пошла искать; шла, шла и пришла къ избушкѣ: стоитъ избушка на курьихъ лапкахъ, на веретенныхъ пятахъ, повертывается. «Избушка, избушка! Стань по старому, къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ.» Вотъ избушка повернулась; она взошла къ эту избушку; тамъ живетъ баба-яга, костянная нога, носъ

желѣзный. Она и говоритъ: «здравствуй, тетушка!»—Здравствуй Аннушка—несмѣяннушка.—Она сама (баба—яга) лежитъ на печкѣ, а ноги въ потолокъ уперла. Она это (Аннушка—несмѣяннушка) поклонилась; она ее посадила, накормила. «Куда, говоритъ, ты идешь?»—Мужа искать: вотъ ужъ три года прошло.—«На вотъ тебѣ синенькій клубочикъ: куда онъ покатится, туда ты и иди!»

Она шла, шла; пришла: стоитъ избушка на куриныхъ лапкахъ, на веретенныхъ пяткахъ, повертывается. «Избушка, избушка! стань къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ.» Избушка повернулась; она взошла. А тутъ жила женщина хорошая такая. «Здравствуй, тетушка!»—Здравствуй, Аннушка несмѣяннушка!—Она дала ей золотое блюдечко. Тутъ она опять пошла; шла, шла; пришла къ избушкѣ на куриныхъ лапкахъ. Избушка повернулась. Она взошла, а тамъ баба—яга, костянная нога, носъ желѣзный; сама лежитъ на лавкѣ, а зубы на печи. Аннушка-то испугалась, стала за вѣшалку. Баба-яга и говоритъ: «что русскимъ духомъ пахнетъ? Скажись, кто тамъ; а то съѣмъ.» — Я, говоритъ, тетенька!—«Чтожь ты боишься? Иди ко мнѣ!» Она къ ней подходитъ, покормила ее; она ѣстъ, не ѣстъ, сидитъ; страхъ взялъ: эдакое страшилище. Она дала ей щетку, проводила ее. «Куда твоя щетка покатится, тамъ твой мужъ.» Вотъ эта щеточка покатила, она за ней пошла.

Приходитъ: тамъ на рѣчкѣ дѣвушки рубашки моютъ. Три года рубашку мыли, кровь не отполоскали. Она какъ взяла это, полоснула, такъ вся кровь и отскочила. Вотъ онѣ (дѣвушки) приходятъ, рассказываютъ: «что такое? мы три года мыли, кровь не отмыли. Идетъ женщина, говоритъ: «Богъ помочь! что вы дѣлаете?» Взяла рубашку, какъ одинъ разъ полоснула, такъ вся кровь и отскочила!»—Онъ и думаетъ: «это, вѣрно, моя прежняя жена!—Подите, говоритъ, позовите

ее сюда.» Вотъ она взошла; они тутъ другъ друга узнали; а знать не подали никому (т. е. не показали виду).

Вотъ она сидитъ это у нихъ же въ комнатѣ, занимается щеточкой и гребенкой. А ужъ онъ женился еще на другой женѣ; ужъ у нихъ и ребеночекъ, мальчикъ. Она забавляется щеточкой, а маленькій плачетъ, проситъ, значитъ, себѣ щеточку. А эта жена вторая-то и говоритъ: «послушай, говоритъ, продай мнѣ эту щеточку: что она стоитъ, я тебѣ заплачу!» Она и говоритъ: «мнѣ никакихъ денегъ не надобно; а позвольте мнѣ ночь въ ногахъ у васъ простоять.» Та согласилась. Вотъ ночью и закричала Аннушка—несмѣяннушка: «другъ мой измѣнщикъ! Я, говоритъ, три года ходила, три костыля избила, три просфирочки изгрызла, трои башмаки избила.»

На другой день она клубочикъ катаетъ по тарелкѣ, забавляется. Мальчикъ опять сталъ просить, хочется ему играть. Стала она опять покупать; Аннушка несмѣяннушка и говоритъ: «мнѣ, говоритъ, никакихъ денегъ не надо; а позвольте мнѣ ночь въ ногахъ у васъ простоять.»—Та согласилась. Вотъ она ночью опять тоже и кричитъ: «другъ мой измѣнщикъ! я, говоритъ, три года ходила, три костыля избила, три просфирочки изгрызла, трои башмаки избила.» *Сверхъ того*, мужъ то взялъ со второй женой распростился, уѣхалъ съ первой къ отцу къ матери и стали они жить да добра наживать.

(Записана мной въ с. Жолчинѣ, рязанскаго уѣзда).

104.

КОЛДУНЪ.

Жилъ былъ мужикъ; у него было три сына женатыхъ. Жилъ онъ долго и на деревнѣ слылъ за колдуна. Сталъ умирать и приказываетъ невѣсткамъ, чтобъ караулили его